Автор: Роман Евстифеев
17.09.2017 17:34 -

Первые горячие станицы нового романа **$ингулярность/$ingularity**

Пролог с отсечением главы

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский последний раз втянул в себя горячую и горькую струю никотина, загасил папиросу, бросил ее в угол тамбура, попав точнёхонько под табличку с надписью «Курить строго запрещено», уверенно толкнул в стороны двери и, на выдохе, бодро вошел в вагон вместе с синими волнами табачного дыма. Весело оглядев сморщившихся старушек, Андрей Юрьевич быстро бросил взор вперед, на сидящую в вагоне публику, прошел метров пять, достал из висящей на плече большой тряпичной сумы пустую двухлитровую пластиковую бутылку, немного постоял, настраиваясь, и, ритмично подрыгивая туловищем в грязно-светлой куртке, начал бить бутылкой по своей правой коленке. Получаемый таким путем звук можно было бы счесть чем-то вроде аналога звука большого барабана, но можно было и не счесть, то есть очевидности не было, но для Андрея Юрьевича это, видимо, большого значения не имело. Чем сильнее были его удары, тем больше обращали на него внимание пассажиры, сначала украдкой, мол, кто это там машет рукой в проходе и постукивает, а потом с интересом и с ожиданием чего-то более веселого, чем монотонное покачивание вагона. Самые сильные удары бутылкой заглушали даже стук колес и шум несущейся электрички. Отбив ведомое ему одному количество секунд, Андрей Юрьевич неожиданно громко начал декламировать под стук бутыли: *Ви вил ви вил рок ю! Ви вил ви вил рок ю!* Это уже не могло оставить равнодушным никого. Насладившись произведенным эффектом, Андрей Юрьевич продолжил в том же ритме:
«Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь…»
. Старорежимный вариант гимна был исполнен в неканоническом виде без третьего и четвертого куплетов, то есть Андрей Юрьевич не стал убеждать публику видеть грядущее нашей страны в победе бессмертных идей коммунизма. И пассажиры вагона, надо сказать, были ему благодарны за это, хотя, скорее всего, просто за то, что он прекратил петь. После гимна князь попытался взять размягченную публику голыми руками и, пару раз выкрикнув «Слава России!» и «Крым наш!», произнес небольшой авторский монолог о величии родной страны. После этой довольно произвольной программы началась обязательная часть: Андрей Юрьевич развернул свою большую суму и начал обходить скамейки, заполненные пассажирами, внимательно заглядывая в глаза каждого. Зычный голос князя тем временем декламировал следующий текст:

- Граждане соотечественники! Великий русский историк Василий Осипович Ключевский называл меня «первым русским самовластцем». И это чистая правда! Именно я был первым, кто задумал и начал создание нового невиданного государства на Северо-Востоке Руси, с нуля, на пустом месте, это был мой проект, мой старт-ап российской государственности. И многое у меня получилось!

Но вот прошли годы, я стал слабым и старым - Андрей Юрьевич сокрушенно покачал седой головой, крепко впаянной в могучее тело, - В дороге поиздержался, вдобавок, меня ограбили, украли документы, теперь у меня нет денег, чтобы добраться до стольного Владимира, вот, хватило только на билет Москва–Петушки. Помогите основателю российской государственности, кто чем может»…

Пассажиры бойко кидали в суму мелочь, Андрей Юрьевич благодарил каждого, и по ходу кратко рассказывал о своем видении будущего российской государственности. До меня долетали отдельные слова, типа «уроды», «взять – и утопить», «пощады не будет» и еще что-то подобное из учебника по государственному и муниципальному управлению.

Подойдя к ряду кресел, где сидел я, князь взглянул на меня темно-зелеными глазами, и с ухмылкой произнес:

- Молодой человек, а вы что-то меня не жалуете, мелочишки никакой не припасли старику?

Я отрицательно покачал головой.

- Странно, с виду вполне приличный гражданин – медленно произнес Андрей Юрьевич, и продолжил более громко подозрительным тоном, делая наш диалог общественным достоянием - А вы не из Кучковичей ли будете?

- Я из Владимира – тихо ответил я, - домой еду, меня тоже ограбили, как и вас, денег и документов нет, но я по вагонам не хожу.

- Ишь ты, из Владимира! Во как запел. А в паспорте-то у тебя, мил человек, так и записано – Кучкович! – последнее слово князь буквально прокричал, громко, на весь вагон, заглушая шум поезда, одновременно доставая прямо из рукава маленькую книжицу и поднося ее к моим глазам. Это был мой собственный паспорт, открытый на первой странице, с которой на меня смотрело мое же лицо с фотографии, сделанной ровно 5 лет назад; внизу, под фотографией ровным каллиграфическим почерком было подписано ручкой: «Происхождение – Кучкович».

Я попытался улыбнуться, начал было говорить, что пора прекратить этот глупый розыгрыш, всё, довольно, я был даже готов во всем признаться, чтобы все быстрее закончилось и успокоилось, да, я Кучкович, я убил Боголюбского, я убил Ивана Грозного и Павла Первого, я привез Ленина в Россию в бронированном вагоне, я составлял расстрельные списки для Сталина, я спаивал Высоцкого и Ельцина, это все я, я, и закончим на этом... Однако, князь пристально смотрел на меня, как будто проникая в мою голову и читая там что-то важное. Дочитав до конца, Боголюбский отступил чуть назад, его зеленые глаза вдруг приобрели матовый стальной цвет – цвет брони современных танков, Андрей Юрьевич сдвинул брови, выпятил вперед подбородок, и, словно приняв окончательное решение, начал что-то доставать из открытой сумы. Я попытался встать, но соседи по скамейке справа и слева вдруг схватили меня за руки, кто-то сзади сильно надавил на плечи и я оказался обездвижен, в это же мгновение подошедший еще ближе князь достал, наконец, из сумки неожиданно длинный меч, передал его одному из сидящих напротив меня пассажиров, со словами «На, держи, Кузьмище, струмент»; тот встал, принял меч двумя руками, что-то коротко скомандовал, меня быстро повалили на колени, прижав мою голову к соседней скамейке, меч вознесся вверх – и, сверкнув в луче летящего за окном электрички Солнца, резко опустился. Моя голова оказалась в руках Кузьмищи, высокого худого парня, лет 30-ти, с длинными вьющимися волосами, я смотрел прямо в его темные глаза, а он поднимал мою голову за волосы, вверх, на вытянутую руку, почти до потолка. Я вращал глазами и с удивлением разглядывал свое валяющееся без головы тело, людей вокруг, бегущие за окном поля и деревеньки; Кузьмище показывал голову всему вагону, и я видел радостные лица пассажиров, некоторые вытирали слезы и обнимались, показывая на меня пальцем. Описав полный круг, моя голова вернулась к князю - тот уверенно смотрел на меня зелеными глазами, на щеках блестели тонкие струйки. И в этот момент я услышал сзади моей головы хриплый торжествующий голос. Это Кузьмище громко объявлял на весь мир:

«Княже Андрей Гюргич Боголюбский, ты отмщён!».

…..

Если позволят правообладатели, впоследствии могут быть опубликованы и следующие главы романа.